

УДК 82.09

ФОРМЫ ИНОБЫТИЯ В НОВЕЛЛИСТИКЕ ЮРИЯ БУЙДЫ

© Татьяна Прохорова, Изабель Загфарова

THE FORMS OF OTHERNESS IN THE STORIES OF YURI BUIDA

Tatyana Prokhorova, Izabel Zagfarova

Yuri Buida is a writer who belongs to the romantic type of creativity. The authors argue that the originality of the poetics of his prose is largely determined by the specificity of the neo-Baroque. The purpose of the paper is to identify the forms and ways of constructing another world in Buida's stories. It addresses the features of the author's worldview, which are reflected in romantic duality of the world and the symbols of otherness. The analysis is based on the stories "San Madriko" and "Something Orange", which have not been explored yet. In addition, the analysis involves a number of other works: "Sinbad the Sailor", "Wanda the Gang", "The Cunning He-Fly", "Blue Lips", etc. The characters of the stories live in a world where the values of love, goodness and beauty have been lost. To this disharmonious reality they are trying to oppose their dream world. This search can acquire strange and even absurd forms of expression. The boundary between dream and reality is often blurred. The dream world seems more real to the heroes than reality itself.

The type of the hero determines the principles of organization of the artistic world in the stories. It is based on the re-creation of reality. The symbolism of otherness is often contained in the titles and epigraphs. The images of the title ("San Madriko", "Something Orange") are perceived as a reminder of the existence of other time and space dimensions – above everyday life. This is also manifested through the names and nicknames of the heroes: the nickname of a regular fireman – San-Madriko is derived from the name of a nonexistent beautiful island, which he spoke about; the name of the humble paramedic Nicholas in the story "Something Orange" is associated with Nicholas the Wonderworker. The setting is also symbolic: for example, in "San Madriko" the dirty courtyard with an arch and a hole performs the function of the sanctuary. As emblematic are the cross-cutting motifs of dreams, sleep, transfiguration, miracles and miracle making. To create otherness Buida actively uses Christian symbolism (including the symbolism of color, light and numbers) and includes reminiscences and romantic allusions into the text. Thus, in the story "Something Orange" we find "spot quotations" from the lyrics of Alexander Blok. As a result, the story, whose plot is connected with the heroes' search of a different world, develops symbolic implications.

Keywords: Yuri Buida, neo-Baroque, symbols of otherness, romantic duality, title complex, motif.

Юрий Буйда – писатель романтического типа творчества. Авторы доказывают, что своеобразие поэтики его прозы во многом определяется спецификой необарокко. Цель работы – выявление форм и способов конструирования иного мира в новеллах Буйды. В статье исследуются особенности авторского мировидения, формы проявления романтического двоемирия, символика инобытия. В качестве материала анализа избраны новеллы «Сан-Мадрико» и «Что-то оранжевое», которые не являлись еще предметом изучения. Кроме того, к анализу привлекается ряд других произведений: «Синдбад-Мореход», «Ванда Банда», «Хитрый Мух», «Синие губы» и др. Герои новелл живут в мире, где ценности любви, добра и красоты утрачены. Дисгармоничной действительности они пытаются противопоставить мир мечты. Этот поиск может принимать странные и даже нелепые формы выражения. При этом граница между грезой и реальностью часто размывается. Мир мечты кажется героям более реальным, чем сама действительность.

Тип героя определяет в новеллах Буйды и принципы организации художественного мира. Он строится на пересоздании реальности. Символика инобытия нередко содержится уже в заголовочном комплексе (в названиях, эпиграфах). Образы, вынесенные в заглавие («Сан-Мадрико», «Что-то оранжевое»), воспринимаются как напоминание о существовании какого-то иного измерения времени и пространства – надбытового. Эта установка также проявляется через имена и прозвища героев: прозвище обычного кочегара Сан-Мадрико возникло от названия несуществующего прекрасного острова, о котором он рассказывал; имя бедолаги-фельдшера Николай в новелле «Что-то оранжевое» ассоциативно связано с Николаем Чудотворцем. Символично и место действия: например, в «Сан-Мадрико» грязный двор с аркой и кочегарка выполняют функцию святилища. Показательны и сквозные мотивы: грезы, сна, преобразования, чуда и чудотворства. Для создания ино-

бытия Буйда активно использует христианскую символику (в том числе символику цвета, света и чисел). Этому способствует и включение в текст реминисценций, аллюзий, отсылающих к произведениям писателей романтического типа творчества (в частности, А. Блока). В результате в сюжете, направленность которого связана с поиском героями иного мира, выявляется символический подтекст.

Ключевые слова: Юрий Буйда, необарокко, символика инобытия, романтическое двоимирие, заголовочный комплекс, мотив.

Юрий Буйда – один из талантливейших представителей новейшей отечественной литературы – художник романтического склада. В критике и литературоведении не сформировалось четкого представления о своеобразии его творческого метода. Мы полагаем, что его проза является примером необарокко в современной литературе [см.: Прохорова, Пелымская]. По словам Н. Т. Пахсарьян, в произведениях барокко «окружающая человека реальность оказывается сном, и драматичнее всего, что он не может уловить границы между одним и другим <...>. Непознаваемость <...> дисгармонической, хаотической действительности, в которой пребывает человек – „мыслящий тростник“ (Б. де Паскаль), <...> „атмосфера сомнения“ (Ж.-П. Ренгар), в которую он погружен, вызывают жадный интерес к таинственному, волшебному, мистическому, которым заведомо нет окончательной разгадки» [Пахсарьян, с. 71]. Эти черты классического барокко можно обнаружить также в целом ряде произведений новейшей литературы, примером чему и является творчество Ю. Буйды. В его произведениях происходит пересоздание реальности, размывается грань между мечтой и реальностью, сном и явью, что побуждает героев к поиску мира иного. Цель нашей работы – выявление форм и способов конструирования этого мира в новеллах Ю. Буйды.

В малой прозе писателя установка на поиск инобытия зачастую выражена уже в заголовочном комплексе: образы, вынесенные в заглавие («Прусская невеста», «Сан-Мадрико», «Что-то оранжевое», «Китай»), воспринимаются как знаки иной реальности, как напоминание о существовании какого-то иного измерения времени и пространства – высшего, надбытового. Примечательны и эпиграфы к произведениям Буйды. Так, в новелле «Сан-Мадрико» эпиграфом служит строка из стихотворения немецкого поэта и композитора рубежа XII–XIII веков Вальтера фон дер Фогельвейда: *«Пригрезилась мне моя жизнь, или она действительно была?»* [Буйда. Сан-Мадрико]. Этот барочный мотив грезы, предполагающий взаимопроникновение сна и яви, становится в произведениях Буйды сквозным.

Часто в заглавие писатель выносит прозвище героя, воспринимающееся как знак инобытия и

являющееся ключом к прочтению всего произведения. Например, название новеллы «Синдбад Мореход» обозначает не только издевательское прозвище главной героини, которая, несмотря на свою инвалидность, вынуждена была заниматься сбором винных бутылок и проделывать многокилометровые походы вдоль железной дороги, – в этом сказочном образе также слышится намек на иную реальность. Подобная двойственность трактовки образа выражена и в новелле «Сан-Мадрико», где простой кочегар получает романтическое, почти рыцарское прозвище. Сан-Мадрико – это несуществующий остров, которого нет *«ни в одном географическом атласе»*, но на котором ему якобы удалось побывать. О нем он рассказывал каждому «встречному-поперечному», отчего и получил это прозвище. Для него это был не просто остров, *«то была земля обетованная, населенная прекрасными мужчинами и женщинами, не знавшими ни детства, ни старости, ни власти условностей. То была Утопия, Золотой Век, Ореховая Гора, Беловодье»* [Там же].

В новелле «Сан-Мадрико» символический подтекст проступает уже при обозначении места действия: картина обычного двора с сугробами «грязного снега», стенами домов «в пятнах сырости» приобретает сакральный смысл. Прежде всего, обращает на себя внимание образ арки. Это известный символ небесного свода. В обрядах инициации прохождение через арку означало новое рождение, отказ от своей старой природы [см.: Арка]. В новелле Буйды герой-рассказчик, проходя через арку, вступает в своеобразное «святилище», после чего он возвращается в реальный мир обновленным, со знанием «тайны».

Показательна в этой новелле и числовая символика. В описании двора, где были протоптаны тропинки, которые «ледяными ленточками» вели к дверям, фигурирует число «четыре». Христианские храмы в плане обычно имеют квадрат (четверик) – символ земли, куда народы сходятся с четырех сторон света [см.: Храм христианский]. В новелле Буйды «четыре тропинки» тоже воспринимаются как символ четырех сторон света, откуда сходятся ищущие спасения люди.

Сан-Мадрико представлен как опытный проводник в таинственный мир инобытия. Симво-

лично само описание мистического процесса проникновения героев Буйды «за завесу». Это четко спланированный ритуал. Первое, что просит Сан-Мадрико у героя-рассказчика в обмен на показ «чуда», – бутылка вина. Казалось бы, это типичная просьба кочегара-алкоголика, но известно, что «вино» – многофункциональный древний символ. В христианской культуре оно символизирует кровь Христову и используется при причастии [Символы, знаки, эмблемы, с. 76]. В новелле совместное распитие вина представлено именно как обряд причащения.

Символичны и два мистических атрибута, используемых кочегаром для перехода в ирреальный мир, – это синий камень и равносторонний треугольник с щербинкой по центру. Синий цвет во многих культурах считается символом всего духовного [см.: Синий цвет]. Примечательна и форма камня. Определение «плоский синий камень» повторяется трижды, и во всех трех случаях это сочетание остается нерасчлененным. Возможно, предполагается какой-то реально существующий камень. Так, на берегу Плещеева Озера под Переславлем-Залесским такой камень стал местом поклонения мерян, а затем и древних славян-язычников, пришедших к озеру в IX-XI веках. Он являлся воротами, порталом в мир непроявленных форм материи и времени (мир «нави»). Народная молва приписывает Синему камню еще одно чудесное свойство – перемещаться с места на место [Бердников, с. 134]. В новелле Буйды с помощью этого магического предмета тоже происходит перемещение, причем не только пространственное, но и во времени.

Примечателен и второй атрибут, необходимый Сан-Мадрико для проведения «сеанса» перехода в мир инобытия: еще в период раннего христианства равносторонний треугольник считался символом Святой Троицы. У Буйды это треугольник с «щербинкой», отверстием посередине, ассоциирующееся со «всевидящим оком». Подобный вписанный в треугольник глаз масоны называли «глазом провидения». Они воспринимали такой треугольник как символ просвещения и высшего знания [см.: Треугольник]. Так в сюжете «Сан-Мадрико» актуализируется значение «высшего знания». Причем благодаря магическому треугольнику, позволяющему перенестись сквозь время и пространство, каждый из гостей кочегара видел что-то свое. Герой-рассказчик – писатель, человек культуры. Неудивительно, что его картина инобытия наполнена литературными сюжетами: он «видел» Данте и Симеона Полоцкого, слышал, как Болингброк читает свой трактат, был в Боголюбове сразу после убийства кня-

зя Андрея Юрьевича, «испытал арзамасский ужас в одном незавершенном фрагменте Льва Толстого» [Буйда. Сан-Мадрико].

С гибелью Сан-Мадрико действие «чуда», казалось бы, заканчивается. Однако волшебные перемещения изменили восприятие героем-рассказчиком окружающего мира и его понимание творчества. Он задается вопросом: «запечатлеть чудо – не значит ли это сотворить чудо?» [Там же]. Эту афористичную фразу можно воспринять как выражение творческого кредо Ю. Буйды. Не случайно в финале и само прозвище Сан-Мадрико трактуется как выражение стремления к совершенству:

<...> я пытаюсь достигнуть совершенства, <...> стремлюсь и не достигаю, и знаю, что буду стремиться, хотя знаю, что никогда не достигну, и нет муки сладостнее и безысходнее – не будучи в силах вспомнить, никогда не забывая Сан-Мадрико... [Там же].

Попытка «запечатлеть чудо» становится сюжетообразующим началом и в новелле «Синие губы». Здесь главный герой – учитель по прозвищу Дер Тыш, стремясь «поймать» тень счастливого прошлого, делает бессчетное количество снимков яблони. Он объясняет это так:

Возможно, истина и счастье спрятаны в том мире, который мы привычно считаем иллюзорным, существующим лишь в нашей памяти, в нашем воображении... Но память реальна. <...> И я обречен стремиться туда <...> [Буйда, 1999, с. 199].

В этих словах вновь выражено характерное для необарокко представление о том, что кажущееся иллюзорным порою более реально, чем то, что существует в действительности. Неудивительно, что мотив чуда и чудотворства становится в произведениях Буйды сюжетообразующим. Проследим это еще на одном примере. Новелла «Что-то оранжевое» повествует о неприметном фельдшере Николае Порфирьевиче по прозвищу «Утопленник». В этом герое явно просматриваются черты «маленького человека». Недаром его сопровождают определения: «маленький», «тщедушный», «беспомощный». Окружающие к нему относились с презрением либо вовсе не замечали. Однако у Буйды тип «маленького человека» раскрывается с неожиданной стороны. Его сопровождает мотив чуда. В определенные моменты жизни, когда надвигалось «что-то страшное», Николай Порфирьевич видел оранжевую вспышку. Впервые это произошло еще в детстве. Тогда мать сказала ему, что его «Бог предупреждает». В очередной раз он увидел вспышку перед тем, как оказался свидетелем самоубийства женщи-

ны, которая неожиданно сошла с поезда и бросилась в реку. Это событие прерывает автоматизм незаметного существования героя. Одновременно в новелле активизируется символический подтекст, позволяющий увидеть в произошедшем не просто трагический случай, а нечто большее. Именно с погибшей женщиной герой ассоциирует «мир иной». Он не знал ее «ни в лицо, ни по имени», но ее «прекрасный образ» отныне не покидал его, «овладев <...> мыслями, мечтами, сновидениями», «он был счастлив, ибо Господь спас его от одиночества, подарив теплое тело незнакомки, ее тайну, ее любовь» [Там же, с. 258].

Как правило, герои Буйды живут в духовном вакууме, в мире, где нет места любви. Преодоление одиночества часто происходит у них странным, порою абсурдным образом. Так, в новелле «Хитрый Мух» герой влюбился в статую, в «Ванде Банде» героиня полюбила крошечного человечка, которого нашла у себя на огороде, и т. п. Эти сюжеты, в свою очередь, позволяют проявиться интертекстуальным связям с русской и мировой литературой. В новелле «Что-то оранжевое» план инобытия проявляется благодаря блоковскому подтексту. Отсылки к «Незнакомке» возникают благодаря точечным цитатам: «незнакомка», «прекрасная незнакомка», «прекрасный образ», «мечты, сновидения». Утопленница воспринимается бедолагой-фельдшером как символ женственности и красоты, любви и духовности. Напомним, что блоковская Незнакомка сочетает в себе черты Прекрасной Дамы и падшей женщины. В новелле Буйды эта двойственность тоже сохраняется. Одновременно сохраняется и то впечатление, которое производит на героя появление Незнакомки. Сравним:

И странной близостью закованный, / Смотрю на темную вуаль, / И вижу берег очарованный / И очарованную даль [Блок, с. 82].

Быть может, (...) лишь затем женщина и покинула свое теплое купе и погибла в ледяных водах, чтобы никогда не умирать в твоём воображении... (...). В такие минуты он верил в Бога, в чей замысел ему удалось случайно проникнуть [Буйда, с. 257].

Как и у Блока, у Буйды «незнакомка» противопоставлена грубому миру реальности. Достигается это с помощью контрастной цветовой символики:

Он испуганно посмотрел (...) на ивняки на берегу, слившиеся в сплошную темную массу, – и вдруг увидел белую фигурку (...) он напряженно наблюдал за белой фигуркой, (...) женщина ступила белой ногой в

воду. (...) Еще раз шагнула, тотчас погрузившись до пояса в ледяную черную воду. (...) показались темные фигуры людей [Там же, с. 253].

Мотив самоубийства и образ поезда в новелле Буйды воспринимаются как аллюзии к стихотворению Блока «На железной дороге»:

Не подходите к ней с вопросами, / Вам все равно, а ей довольно: / Любовью, грязью или колесами / Она раздавлена – все больно [Блок, с. 175].

Поезд в новелле «Что-то оранжевое» выступает как нечто неумолимо страшное, заставляющее бедного Николая Порфирьевича каждый раз при встрече с этим «нечто» зажиматься и вцепляться обеими руками в ржавые перила моста. Можно предположить, что, сойдя с поезда, героиня освобождается от его власти. Это позволяет по-иному оценить и поведение Николая Порфирьевича, имя которого аллюзивно связано с Николаем Чудотворцем, который в народной традиции считался проводником душ умерших в загробном мире [см.: Аверинцев, с. 398]. Иронически эта связь выражена и в его прозвище – Утопленник. В поверьях, легендах Николай Чудотворец изображается начальником рая, небесным привратником. О возможности подобной интерпретации имени героя Буйды, а также о значимости мотива спасения свидетельствует и финал новеллы:

(...) он бежал домой, где его ждали состарившаяся мать, преданная дворняжка и волнующе прекрасное воспоминание о женщине, навсегда вошедшей в его жизнь и преобразившей ее, наполнившей до краев его душу, которую по одному этому не надо было спасать, ибо она уже была спасена... [Буйда, с. 258].

Итак, мы убедились, насколько многообразны проявления символики инобытия в новеллах Ю. Буйды. Конструирование «иного» мира начинается с заголовочного комплекса и охватывает все уровни художественной структуры произведений: от специфических особенностей организации сюжета и композиции, сквозных мотивов до символики имен и чисел, а также литературных подтекстов, выраженных через аллюзии и реминисценции.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Николай Чудотворец // Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. 4-е изд. М.: Большая энциклопедия, 1998. С. 398.
- Арка (символ) // Megabook.ru: Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. 2008–2014. URL:

[http://megabook.ru/article/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%20\(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB\)](http://megabook.ru/article/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%20(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB)) (дата обращения: 10. 02. 2016).

Бердников В. Синий камень Плещеева озера // Наука и жизнь. 1985. № 1. С. 134–139.

Блок А. Избранное. М.: Олимп; Изд. АСТ, 1996. 528 с.

Буйда Ю. Прусская невеста. М.: Соло: Новое литературное обозрение. 1999. 310 с.

Буйда Ю. Сан-Мадрико // Buida.ru: Официальный сайт Юрия Буйды. 2009. URL: <http://buida.ru/text/san-madriko/> (дата обращения: 08. 01. 2016).

Пахсарьян Н. Т. Барокко // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК Интелвак, 2003. С.70–73.

Прохорова Т. Г., Пельмская А. М. Черты необарокко в романе Юрия Буйды «Синяя кровь» // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2(36). С. 155–159.

Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В. Э. Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И. Б. Орлов, д-р ист. наук В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. 2-е изд. М.: ЛОКИН-ПРЕСС: РИПОЛ классик, 2005. 495 с.

Синий цвет // Symbolsbook.ru: Книга символов. 2009. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=557> (дата обращения: 10. 02. 2016).

Треугольник // Sigils.ru: Энциклопедия Символы и Знаки. 2007. URL: <http://sigils.ru/signs/treugolnik.html> (дата обращения: 10. 02. 2016)

Храм христианский // Zlatkupo.ru: Православные церкви России. 2013. URL: <http://www.zlatkupo.ru/page/cerkovj.html> (дата обращения: 10.02. 2016).

References

Arka (simbol) [The Arch (A Symbol)]. Megabook.ru: Megaenciklopedia Kirilla и Mefodia, 2008–2014. URL: [http://megabook.ru/article/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%20\(%D1%81%D0%B8%D0%B](http://megabook.ru/article/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%20(%D1%81%D0%B8%D0%B)

[C%D0%B2%D0%BE%D0%BB\)](http://megabook.ru/article/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%20(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB)) (accessed: 10. 02. 2016). (In Russian)

Averincev, S. S. (1998). *Nikolaj Chudotvorec* [St. Nicholas]. Mifologia. Bolshoi enciklopedicheskiislovar' [Mythology. Great Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. E. M. Meletinskii, 4-e izd., pp. 398. Moscow, Bolshaia enciklopedia. (In Russian)

Bagdasarian, V. E., Orlov, I. B., Telitzin V. L. (2005). *Simvoly, znaki, ehmblyemy: Enciklopedija* [Symbols, Signs, Emblems: Encyclopedia]. 495 p. Moscow, LOKIN-PRESS: RIPOЛ klassik. (In Russian).

Berdnikov, V. (1985). *Sinii kamen' Pleshcheeva ozera* [The Blue Stone of Lake Pleshcheev]. Nauka i zhizn', No. 1, pp. 134–139. (In Russian)

Blok, A. (1996). *Izbrannoe* [Selected Works]. 528 p. Moscow, Olimp; AST. (In Russian)

Bujda, Yu. (1999). *Prusskaia nevesta* [The Prussian Bride]. 310 p. Moscow, Solo: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Bujda, Yu. *San-Madriko* [San Madriko]. Buida.ru: Ofitsial'nyi sait Iurii Buidy, 2009. URL: <http://buida.ru/text/san-madriko/> (accessed: 08. 02. 2016). (In Russian)

Khram khristianskii [A Christian Temple]. Zlatkupo.ru: Pravoslavnye Cerkvi Rossii, 2013. URL: <http://www.zlatkupo.ru/page/cerkovj.html> (accessed: 10. 02. 2016). (In Russian)

Pakhsar'ian, N. T. (2003). *Barokko* [Baroque]. Literaturnaia enciklopediia terminov i poniatii. Moscow, NPK Intelvak, pp. 70–73. (In Russian).

Prokhorova, T. G., Pelymskaia. A. M. (2014). *Cherty neobarokko v romane Jurii Buidy «Siniiaia krov'»* [Features of neo-Baroque in Yuri Buyda's Novel the "Blue Blood"]. Filologiya i kultura. Philology and Culture, 2014, № 2(36), pp.155–159. (In Russian).

Sinii tsvet [The Blue Color]. Symbolsbook.ru: Kniga simvolov, 2009. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=557> (accessed: 10. 02. 2016). (In Russian)

Treugol'nik [A Triangle]. Sigils.ru: Entsiklopediia Simvoly i Znaki, 2007. URL: <http://sigils.ru/signs/treugolnik.html> (accessed: 10. 02. 2016). (In Russian)

The article was submitted on 26.01.2016

Поступила в редакцию 26.01.2016

Прохорова Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tatprohorova@yandex.ru

Загфарова Изабель Маратовна,
студентка,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zagfarova.izabel@yandex.ru

Prokhorova Tatyana Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tatprohorova@yandex.ru

Zagfarova Izabel Maratovna,
student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zagfarova.izabel@yandex.ru